

Кабинет зельеварения пугает многих учеников уже не первый год, в основном, конечно, первокурсников, впервые встречающих волшебный мир. Многие непонятные склянки, большие банки, заполненные чем-то... непонятным, неизвестным. Пугающим. И естественно, их пугал сам зельевар — профессор Северус Снейп. Для многих это был чуть ли не самый большой страх, недаром ведь его называли Ужасом Подземелий. Кто-то умудрялся перебороть этот страх, и понимал, что профессор был зельеваром от Бога, а кто-то даже не старался этого понять.

Если пройти через неприметную, защищённую дверь в дальнем углу кабинета, то можно попасть в комнату декана Слизерина, куда можно попасть только с разрешения хозяина комнаты. Без разрешения сюда могли попасть лишь четверо:

Минерва МакГонагалл, декан Гриффиндора, но и она, из-за уважения к своему сопернику за кубок школы и бывшему ученику, всегда стучалась, перед тем как войти. А за последние несколько лет, она приходила часто, после появления в школе нового поколения Мародёров. Кто, как не зельевар может дать успокоительное, не считая её подруги Поппи Помфри? Да и сам зельевар был не против, когда Минерва приходила к нему, всё-таки он испытывал уважение к этой женщине.

Вторым человеком был Альбус Дамблдор, директор школы, и человек, который за последнее время стал вызывать у него стойкое отвращение. Со своим Общим Благом, непонятными планами, и идиотскими разговорами. Да и любил врываться по поводу и без. Если бы не все эти Обеты...

Ещё одним человеком была преподавательница Истории Магии — Альма Сименс. Ей Снейп всегда рад, хотя в первые месяцы нельзя было это сказать. Их постоянные перепалки стали причинами многих сплетен, а успокаивать их никто не пытался, даже Альбус — хватило первых нескольких попыток, и лёгкой глухоты. Когда взаимная перепалка, и нелюбовь, переросла во что-то большее, Снейп сам не знал, но был благодарен одному рэйвенкловцу, из-за которого два преподавателя слишком часто встречались.

И четвёртый человек, тот самый рэйвенкловец — Гарри Поттер-Эванс. О, этот парнишка успел много крови у него выпить своими экспериментами, начиная с первого курса. И своей удачей влипнуть в неприятности. Скажите, каждый двенадцатилетний мальчишка встречается с Тёмным Лордом (пусть в виде воспоминания), огромным Василиском, да ещё и сам превратится в змея? В тринадцать лет выжить в бою с Беллатрисой Лестрейндж, не только самой близкой к Тёмному Лорду, но и одной из самых сильных боевиков среди Пожирателей? Спустя год пройти чёртов Турнир, и не погибнуть? Многих ли вы встречали таких подростков?

В конце четвёртого курса, при предъявлении Чёрной Метки, Дамблдор не был удивлён, словно знал, что Лорд возродится. Слишком это странно. Всё, что происходит за последние несколько лет, слишком странно, и везде чувствуется борода директора. Но при этом всё, мальчишке удаётся увернуться от всего, что для него придумали, умудрившись построить для себя нормальную, счастливую жизнь, и даже защитил звание Мастера, не закончив ещё Хогвартс (хоть на это потребовалось много нервных клеток Северуса). Что получилось сделать не только у него, но и у мисс Грейнджер. К тому же, скоро у них свадьба, на которую он кстати приглашён...

И сейчас, смотря на мельтешившего перед ним возмущающегося подростка, Снейп не сдерживал улыбку, со спокойной душой попивая чай. Жизнь налаживается.

* * *

— Нет, я правда не понимаю! Как?! Как можно так испортить зелья?! Самое первое! Самое простое!!! Такое ощущение, что они забыли всю технику безопасности, о которой я рассказывал почти месяц!!!

Гарри, возмущаясь, ходил из стороны в сторону по комнате декана Слизерина, пытаясь успокоиться, но выражение лица бывшего наставника, которое лучилось самодовольством, ни капельки не помогало спокойствию. Спустя несколько минут, выговорившись, он, наконец, присел на предложенный ранее стул, взяв в руку чашку с чаем. Через пару глотков, Гарри медленно осмотрел комнату. Да, сколько времени он тут провёл, и сколько раз он тут оказывался после неудачных экспериментов со своими зельями.

— Знаешь, Северус, я тут понял, чего тебе не хватает здесь.

— И чего же? — поинтересовался Снейп, пока его бывший ученик собирался с мыслями.

— Иконы. С твоим изображением. Которая после каждого урока должна мироточить! Икона Северус Мученик! Как? Как ты ещё не сошёл с ума с таким напряжением?! Причём с семью курсами из четырёх факультетов!

— Успокоился? — спросил зельевар, и дождался кивка собеседника. — Просто я уже привык, что ко мне на урок ходят ученики, которые в зельях не то, что не разбираются, но даже не могут элементарно следовать инструкциям, написанным в книгах. А вот когда я только начинал работать преподавателем... Даже вспоминать не хочу. Я первый год думал, что сойду с ума. Старшие курсы ещё ничего, да и после пятого курса ко мне на урок приходит меньше учеников, а вот первокурсники...

— И не говори. Мерлин, неужели я был таким же?

— Нет, — коротко ответил Снейп, и, сделав глоток чая, добил юношу. — Ты был хуже.

Гарри, что естественно, подавился напитком.

— Ч...Что?

— Если другие взрывают зелья по глупости или из-за невнимательности, то ты, в большинстве случаев, делал это целенаправленно. Ради эксперимента. А уж когда ты стал моим Учеником, я едва ли не выл. Но в тебе была целеустремлённость, любопытство, небольшая толика осторожности и интуиция, пусть ты иногда и не обращал на это внимания. Но, несмотря на это всё, я был рад обучать тебя. В этом были свои плюсы, которые сильно перекрывают минусы.

— Например, после обучения появилась возможность сбросить на меня учеников с первого по третий курс, — пробурчал Гарри. — И почему-то я уверен, что в этом замешан Люциус, вот прямо сердцем чувствую.

Зельевар пожал плечами, не сдавая друга. К тому же парень сам догадался, хотя, что тут догадываться — Люциус входит в Попечительский Совет, откуда и поступило это предложение, а то, что Северус решил воспользоваться тем, что в школе будет ещё один зельевар целых три года, ничего не значит. Почти. Разве что выражение лица Минервы, когда об этом стало известно. Ну и что, что он чуть позже неё догадался подать документы в Попечительский Совет? Зато ему удалось быстрее добиться подтверждения, и юный Поттер стал его заместителем гораздо раньше, чем протеже МакГонагалл.

— Каждому зельевару нужен опыт. Тебе это не навредит, Гарри.

— Опыт не навредит. Но сами дети меня прикончат раньше, чем Тёмный Лорд и Кэмбелл вместе взятые.

— Если ты выдержал моё обучение, то выдержишь и детей, — усмехнулся Северус. — И поверь — бывает гораздо хуже.

— Не отрицаю, но при моём обучении ты хотя бы был один, и котлы не взрывал. Я сам неплохо с этим управлялся. Тут же мне приходится держать под контролем целый класс. Целый класс детей, которые так и норовят что-нибудь взорвать. Уф, ладно, пойду я. Мне ещё готовиться к следующим урокам. Как только всё это представлю...

Выйдя от Северуса, Гарри ненадолго задумался, чем бы ему заняться. До ночи времени ещё много, Драко тренирует свои навыки Жреца Хель в Тайной комнате, Невилл старается разобраться со своими силами в Запретном лесу, а Гермиона ведёт трансфигурацию у третьего курса. Остаётся разбор завалов Выручай-Комнаты, пока все заняты.

Парень негромко хмыкнул — что Северус, что МакГонагалл, наверное единственные профессора, кто спорят друг с другом с таким рвением. Даже в таком деле, как получение заместителя. И, несмотря на то, что спор ведётся с такими жаркими диспутами, что иногда кажется, что они друг друга ненавидят, оба преподавателя уважают друг друга.

Несмотря на то, что совмещать учёбу и работу заместителя довольно тяжело, Гарри не собирался жаловаться. Во-первых — он сам согласился, во-вторых — ему это нравилось, а в-третьих — ему понравилось выражение лица Амбридж, когда эта жаба пыталась подвергнуть его проверке. Мало того, что она получала от него полный игнор, словно её и не было на месте, так и несколько раз ему удалось подставить её под удар, когда взрывался котёл ученика. А что тут такого?

На вопрос, почему Гарри не успел поставить защиту для Долорес Амбридж, тот прямо ответил:

— Моя задача учить и защищать учеников, а не министерских проверяющих. Если проверяющий не способен защитить самого себя, то не стоит лезть на должность, сопряжённую с опасностью.

Нужно признать, что Гарри и Гермиона планомерно портили жизнь Амбридж, что на своих уроках, что в выходные дни, когда присоединялись остальные Мародёры. Та же самая Сьюзен умудрялась проникать в её кабинет, и заменяла всю воду и зелья на алкоголь. А иногда она проводила время рядом с ней на протяжении всего дня, под прикрытием мантии-невидимки, и проводила эту замену, так сказать, в реальном времени. А с учётом её возросших способностей, засечь Сьюзен было практически невозможно.

Гермиона, после первого урока, когда на Амбридж напали навозные жуки учеников (ну и что, что она им помогла найти цель?), почти каждое утро подбрасывала их ей в кровать, минуя все защитные заклинания, что она ставила на свою комнату, в чём помогала Ханна с Истинным Зрением. Ну и да, пару раз жучки оказывались у неё в чашке. Совершенно случайно.

Также, Луна и Ханна на пару уничтожали документы и записи генерального инспектора, либо меняя всё местами, тем самым заставляя её постоянно делать одно и то же, и пытаться вспомнить, что где лежит, и как там оказалось.

Невилл заставлял растения, рядом с которыми проходила генеральный инспектор, источать такой запах, что начинались слезиться глаза. За сутки её одежда пропитывалась этим запахом, что даже у человека, который не чувствует запах, может прорезаться обоняние. Сама же

инспектор чувствовала этот запах лишь под вечер, когда пропадал эффект от зелья Гарри. Стоит ли говорить, что уже в начале октября жаба к любому напитку относилась с подозрением, и часто шарахалась, едва услышав или увидев насекомых? Особенно, если Мародёры специально наводили иллюзии, когда не были заняты другим важным делом...

Попытки отыскать Сердце Хогwartса пока что ни к чему не привели. Хуже всего доставалось Драко, который то в компании Сьюзен, то вместе с Гермионой пытались хоть что-то найти в подземельях. Изредка к ним присоединялся и Гарри, и с каждым днём в его голове зрела какая-то мысль, которая никак не хотела сформировываться.

Чуть скривившись, рэйвенкловец почесал свою изменённую руку и медленно выдохнул. Как бы он не хотел оставить свою руку в таком состоянии ещё на некоторое время, её придётся менять назад. Ну да, он провёл на себе несколько опытов (о которых Гермионе лучше не знать), которые показали, что пусть натура Василиска не дала ему стать оборотнем, кровь постепенно отыгрывает свои позиции, почти как любая болезнь. Со временем, если ничего не сделать, его просто заклинит, и в кого он превратится в таком случае — даже представлять не хочется. Полузмея-полуоборотень? От такой мысли парнишку передёрнуло, а по телу пробежали мурашки. Б-р-р-р. Такой [радости] ему точно не надо.

* * *

Ночь.

— Гарри, ты уверен?

— Полностью, Ремус. Любой эксперимент, пока не завершён и находится в стадии разработки, будет опасен. Но этот эксперимент уже закончен, я учёл всё, что только мог. Тесты удачно проведены, так что расслабься.

— Просто... мне до сих пор не верится, — выдохнул профессор УЗМС, когда иголка от шприца впрыснула в его вену последнюю порцию сыворотки, которую он получал третью ночь подряд.
— Как же тебе это удалось?

— Деньги, время и нервы. Много нервов. Очень много нервов. А также пришлось учить очень много новой информации, от которой голова чуть не взрывалась.

— Может, ты лучше не будешь сидеть рядом? Вдруг ничего не получится, и я превращусь?

Поттер-Эванс со скептизмом посмотрел на Ремуса.

— Во-первых — я уверен в том, что создал. А во-вторых — ну превратишься ты, и что? Не стоит забывать, кем я являюсь.

— Да, извини. Я просто беспокоюсь. Не хочу навредить тебе, Гарри.

Рэйвенкловец на это лишь чуть хмыкнул, и они оба начали ждать. До полуночи оставалось всего ничего, и чем ближе, тем сильнее нервничал Люпин. И Гарри понимал его. Он прикрыл глаза и вспомнил тот день, когда его отравили кровью оборотня. Было очень больно. А так как каждое превращение у них сопровождается болью, то вряд ли можно найти кого-то, кому это нравится. Если только не мазохисту.

— К тому же, ты должен будешь уметь превращаться в оборотня по своему желанию, и полнолуние не будет иметь на тебя влияние. Я вообще был удивлён, когда в первый раз

проверил твою кровь. Вирус ликантропии внедряется в каждую клетку, и целый месяц находится в спячке. А когда наступает полнолуние, когда полностью исчезают тени на поверхности Луны, лунный свет становится катализатором для пробуждения этого вируса. Поэтому за три дня до полнолуния и ещё три дня после, у тебя такое болезненное состояние. Вирус становится сильнее в этот промежуток, начиная менять организм, оттуда озноб и боли. На самом деле, помимо сыворотки я подумал о ещё одном способе избавления от ликантропии, но боюсь, его немногие смогут выдержать.

— И что это за способ? — любопытно спросил Люпин.

— Облучение, чтобы разрушить клетки вируса, но проблема в том, что это принесёт огромную боль, так вирус находится в каждой клетке организма, в том числе в мозговых клетках. Если человек и переживёт это, то останется без мозга. Шанс погибнуть после этого — восемьдесят процентов. Шанс выжить всего три процента. А всё остальное — шанс остаться инвалидом навсегда. Ну, или идиотом.

Услышав тихий хмык, Гарри открыл глаза и посмотрел на Люпина, который смотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Ты сейчас так напоминал Лили, — ответил профессор УЗМС на вопросительный взгляд подростка. — Она также могла уйти в себя, когда поясняла нам что-нибудь. И голос был практически таким же.

— Хех, — Гарри смущённо почесал затылок. — Ну, думаю, пара лет изучения работ отца и мамы, да ещё и обучение на Мастера у профессора Снейпа дало результаты и принесло свои плоды. Иначе я просто не вытянул бы три курса детей, которые буквально стремятся взорвать всё, к чему прикасаются.

— Никогда бы не подумал, что ты согласишься подработать заместителем профессора. Впрочем, думаю этим ты тоже пошёл в Лили, из нас всех только она пошла к профессору Флитвику на подработку. Правда, только после пятого курса.

— Да я как-то вначале не думал об этом, пока Северус не предложил мне эту подработку. Я на это больше согласился, чтобы помочь ему слегка разгрузиться, всё-таки, это самое меньшее, чем я могу ему помочь за то, что он сделал для меня. Да и, как сказал он сам — каждому зельевару нужен опыт, а я не только зельевар, но и будущий учёный. Надеюсь. Мне ещё многое нужно узнать.

— У тебя всё получится, Гарри, — улыбнулся Ремус. — Ты очень упорный и умный, и сможешь добиться того чего хочешь.

Рэйвенкловец улыбнулся, и бросил взгляд на наручные часы, отмечая нервозность Ремуса. Если честно, Гарри тоже нервничал, хотя по первичным признакам он уже видел, что вирус если не отступил, то сильно ослаб. Узнать точно можно лишь спустя несколько минут. Минутная стрелка постепенно приближалась к полуночи.

— Ремус? Как ты себя чувствуешь? — осторожно спросил Гарри, когда часы показали пять минут первого.

— Не знаю. Как-то... странно, — медленно проговорил Люпин, концентрируясь на своих ощущениях. — Словно... внутри всё в ожидании. Будто всё готовится к чему-то. И я... не превращаюсь.

— По крайней мере, без причины не превращаешься, — Гарри выдохнул, потеряв лоб тыльной стороной ладони. — Эта сыворотка не уничтожает клетки вируса полностью. Она блокирует их развитие, уменьшая воздействие на твой организм и позволяя ими управлять. Проще говоря, ты должен превращаться в оборотня и человека по своему желанию, как анимаг. Попробуй.

Люпин вновь закрыл глаза, замерев. Гарри внимательно смотрел за ним, когда прямо на его глазах Ремус начал меняться, становиться выше и шире в плечах, на коже стал появляться чёрный мех, лицо вытянулось, принимая волчий вид. Спустя минуту, перед Гарри стоял оборотень, но при этом, во взгляде царили не ярость и инстинкты, присущие оборотням, а разум и спокойствие, присущий людям.

— Я...контролирую себя! — удивление было слышно даже в низком, утробном голосе зверя. — Мой разум не затуманен яростью и кровавым туманом!

— И не должен, — во всю улыбался Гарри, радостно выдохнув. — Как я и говорил, сыворотка уничтожает вирус лишь частично, и блокирует его новое развитие. Так как они перестают воздействовать на организм, в том числе на мозговые клетки, ты способен брать их под контроль в любое время. Ну, по идее. Можешь попробовать превратиться днём, только лучше не на глазах всей школы.

Пока парень говорил, Люпин вернулся в человеческую форму, рассматривая свои руки с удивлением и неверием, чтобы потом обнять Гарри так, что едва не трескались кости.

— Спасибо, Гарри. То, что ты сделал, я... никогда не забуду.

— Я буду благодарен... если ты меняпустишь! — прохрипел парнишка, похлопав мужчину по спине, и глубоко вдохнул, когда егопустили. — Ну и хватка у тебя, честное слово.

В дальнейшем Гарри мог наблюдать Ремуса, который как ребёнок проверял действие сыворотки, то превращаясь в оборотня, то возвращаясь назад.

— Ты для всех сделал такую сыворотку? — спросил Люпин, наигравшись.

— Нет. Только для тебя, Рем. Сам понимаешь, почему.

— Понимаю. Пока жив Волан-де-Морт, — нахмурился преподаватель, на что парнишка улыбнулся и хлопнул его по плечу.

— Не волнуйся, Рем. Когда закончим это всё, я с радостью полностью сниму все последствия ликантропии с тебя. Просто я не хочу, чтобы ты погиб, а вирус, хоть и ослаблен, но продолжает поддерживать твой организм, делая его сильнее, чем у обычного человека.

— И что ты теперь будешь делать с этой сывороткой?

— Ну, на всякий случай оставлю в банковской ячейке на хранение. А с другим видом... буду патентовать и выпускать. Заодно, решу наконец вопрос со своей рукой. Пора дать всем оборотням знать, что ликантропия это не навсегда. Что есть другой выход.

— Но это будет недёшево, Гарри, и вряд ли кто согласится спонсировать твою сыворотку. Чтобы вылечить всех оборотней и создать на всех лекарство, придётся потратить слишком много. А нас, оборотней, не слишком любят. Найти работу для оборотня... Гарри?

Ремус с удивлением посмотрел на Поттер-Эванса, на лице у которого медленно появлялась

улыбка. Сразу было видно, что он что-то задумал.

— Я уже всё решил. Спонсировать буду сам, с небольшой помощью Люциуса. Согласен, по деньгам это довольно много, но не настолько, чтобы мои сейфы полностью опустели. Особенно после того, как я выкупил завод по производству средства [Простоблеск], и вновь открыл его. Мы с ним создадим специальный фонд для оборотней, дадим им лекарство, поможем найти работу. Даже среди магов есть люди, которые готовы бесплатно помогать тем, кто болен, так что с их помощью будет гораздо легче.

— Ты всё продумал, — помотал головой Ремус, усмехаясь.

— Не всё, но, надеюсь, получится справиться с проблемами, какими бы они не были. К тому же, это всё сыграет нам на руку, если начнутся проблемы с директором и Томом. Нельзя позволить им подкладывать свинью.

— А что с твоей рукой? Я думал, что ты хочешь оставить её такой.

— Хотел, — пожал плечами рэйвенкловец. — Но после пары опытов я пришёл к выводу, что если не исправлю это, то моему здоровью будет нанесён сильный вред. К тому же, по большей части она мне нужна была для лекарства, так что сильно скучать по ней не буду.

— А разве ты не сможешь сделать с ней то же самое, что сделал с моей пушистой проблемой?

Гарри в ответ мотнул головой.

— Я же говорил, что провёл пару опытов, и это был один из них. Либо я сейчас верну себе нормальную руку, либо произойдёт неприятный момент, когда моя сущность Василиска сольётся с остатками крови оборотня. Представлять, что при этом будет, я больше не хочу, у меня и так слишком буйная фантазия.

— Согласен, — вздрогнув, произнёс Ремус, явно представив то, что может произойти. — Зрелище явно будет не из приятных.

— Что, представил огромную змею на четырёх лапах? — ухмыльнулся парнишка. — Или существо, с телом оборотня, но у которого вместо морды змеиная пасть и длинный змеиный хвост? Или ещё...

— Гарри, перестань! — Люпина передёрнуло, всё-таки вслух это звучит ещё хуже. — У тебя и правда буйная фантазия!

— А как же иначе? Я всё-таки будущий учёный, мне по статусу положено иметь буйную фантазию.

— Даже боюсь представить, что может изобрести Мародёр-учёный, если дать ему волю. Особенно тебе.

Гарри на это лишь пожал плечами. А смысл отвечать, если Ремус прав — его фантазия много чего может подкинуть, достаточно вспомнить его [Предел Силы]. Это же надо было придумать такое... Да ещё и на себе опробовать.

* * *

10 октября. 9:00.

День, которого так ждала Лохматая Парочка — наступил, и сказать о том, что они нервничали, значит, ничего не сказать. И нельзя даже понять, кто сильнее нервничал — Гарри или Гермиона. Если девушка старательно успокаивала себя, в чём ей помогала магия Разума и её мама (ещё не известно, что лучше помогало), то вот парню приходилось туго, и даже Драко, который пытался использовать эмпатию на нём, не мог нормально помочь.

— Гарри, ты либо спокойно сядешь сам, либо мы тебя усадим насильно.

— Я пытаюсь успокоиться! Вам легко говорить, не у вас сегодня свадьба!

Бродя из стороны в сторону по своей комнате в отеле, Гарри изо всех сил пытался себя успокоить. Успокоительное пока что не действовало, приходилось ждать. На парне были чёрные брюки и белая рубашка. Пиджак и жилет лежали на стуле — надевать их пока что было рано. Драко и Невилл сидели на стульях, оба морально уставшие от попыток успокоить друга.

— Гарри, мы понимаем, что ты уже хочешь увидеть Гермиону, но ты сам согласился соблюсти свадебные традиции, — слегка хмыкнул Лонгботтом. — Так что терпи, до свадьбы ещё три часа.

— И это они друг друга всего два дня не видели, — добавил Драко. — Я даже представлять не хочу, как вы себя будете вести через три недели, в Хэллоуин.

— Можешь не верить, но сегодняшний день меня пугает гораздо сильнее, — усевшись на кровать, Гарри устало потёр шею. Успокоительное, наконец, начало действовать. — Кстати, а где Дэвид?

— Они сейчас вместе с моим отцом приводят себя в порядок, — улыбнулся Невилл. — Дэвиду явно не нравится носить костюм, как, впрочем, и тебе.

— Я не люблю такое носить, Нев. Я предпочитаю либо свободную одежду, либо лабораторный халат. В такой одежде я себя неуютно ощущаю, она на мне словно висит. Зато на вас она сидит идеально, особенно на тебе, Драко.

— Ещё бы. Чтобы я — Наследник Рода Малфой, не умел носить такую одежду?! — пафосно произнёс Драко, задрав нос, на что остальные парни негромко рассмеялись. Через секунду и сам Драко рассмеялся, вместе с друзьями.

Несмотря на то, что рэйвенкловец слегка успокоился, его руки всё ещё слегка дрожали от нервов. Ведь не каждый день ты связываешь себя узами с тем, кого любишь больше своей жизни, и страх, что он может натворить бед, очень силён. В десять часов, Гарри ходил по комнате вновь, но в этот раз он был один, так как Драко и Невилл пошли к себе, готовиться. В особенности Невилл, у которого на свадьбе была роль шафера. Спустя несколько минут, в дверь постучали.

— Дэвид?

— Привет, Гарри. Надеюсь, я тебе не помешал?

— Если только помешал брожению от стены к стене. Никак не могу успокоиться.

— Боишься сделать что-то не так, я прав? — произнёс Дэвид Грейнджер, пройдя в комнату Гарри и отмечая его нервозность.

— Это мягко сказано! Это ведь такой день...и я... хочу, чтобы для Гермионы он был самым лучшим... А если я что-то сделаю не так?

Дэвид, сев на стул, наблюдал за метанием Гарри, хотя явно он был более спокойным, на фоне того, каким был час назад.

— Знаешь, Гарри, когда была моя свадьба с Эммой, я так же, как и ты, нервничал. Хотя нервничать я стал гораздо раньше, когда только обратился к её родителям с просьбой благословить нас. До сих пор слегка стыдно.

— Стыдно? — удивился Гарри, усевшись на кровати.

— Именно. Это сейчас я спокойный мужчина, у которого есть стабильная работа, любимая жена и дочка. А вот тогда... я был парнем, у которого был практически ветер в голове, который не задумывался о будущем дальше, чем на неделю вперёд. Неудивительно, что в первый раз Оливер, отец Эммы, жёстко отказал мне даже в том, чтобы я даже ухаживал за его дочерью. И понять его я мог, всё же, я не был человеком, у которого есть хоть какое-то будущее. Потом я вырос, отслужил — в общем, стал надёжным человеком. И вот когда ты пришёл ко мне со словами, что хочешь сделать предложение моей дочери, я сразу вспомнил это.

— Я тот день тоже помню, — смущённо потёр шею Поттер-Эванс. — Должен признать, я боялся, что мне будет отказано.

— Ну, может, если бы я тебя не знал, то да, отказал бы. По крайней мере, пока ты не смог бы доказать, что достоин моей маленькой принцессы. Но я смог узнать тебя. Я видел, как из добродушного парнишки ты превращаешься в парня, который может стоять крепко на ногах в этом мире, у которого есть цель и мечта. Да скажи мне кто-нибудь, что двенадцатилетний парень будет искать лекарство от... болезни, для друга его родителей, я бы лишь снисходительно улыбнулся. Но в твои слова верилось. И ты не отступал, несмотря на трудности.

Мужчина на несколько секунд задумался, явно что-то вспоминая.

— До Хогвартса, я корил себя, считал, что сделал в воспитании Гермионы что-то не так. Иначе, почему она не смогла найти друзей? Почему она пряталась в книгах? Причём читала такие, которые обычно дети её возраста не читают. Я считал, что в этом моя вина, но винить во всём только других и себя не стоит. Возможно, Гермиона просто не смогла найти друзей, потому что пугалась того, что с ней тогда происходило, или просто инстинктивно понимала, кто её окружает. А потом к нам приходит женщина, и говорит, что все те странности — это магия, и моя дочь зачислена в специальную школу, для таких же детей, как она, откуда начали приходить письма от Гермионы, в которых подозрительно часто стало фигурировать имя некоего Гарри Поттера. Который сразу назвал её своим другом, который видел в моей дочери человека, а не как некоторые... А потом я наблюдал, как с каждым годом Гермиона расцветала прямо на глазах. И как любой отец в такой ситуации, я хотел, чтобы рядом с ней был человек, который не посмеет сделать ей больно. Но как каждый отец, я просто боюсь потерять дочь, когда она выйдет замуж.

Дэвид, встав со стула, подошёл к поднявшемуся подростку и протянул небольшой футляр. Удивившись, парень открыл его, где увидел запонки. Самые простые, серебряные запонки.

— Их мне подарил мой отец, перед свадьбой. А ему его отец. Это практически семейная реликвия, — усмехнулся Дэвид, мгновенно вновь став серьёзным. — Я знаю, что ради Гермионы ты готов на всё, и никогда не причинишь ей боль. Рядом с тобой, Гермиона всегда

светится от счастья. Я не знаю, что ещё можно пожелать моей дочери, кроме крепкого брака. Этими заповедями я хочу сказать тебе, что буду счастлив принять тебя в семью. Ведь сегодня я не теряю дочь, а приобретаю сына.

Гарри просто не знал что сказать. Конечно, для него Эмма и Дэвид были людьми, которых он мог назвать мама и папа, которых мог назвать семьей. Но услышать такое от них было подобно озарению или точнее даже рассвету. Словно тьма, которая еще царила в его душе, окончательно развеялась.

Гарри всегда мечтал о семье. Что в прошлой жизни, что в этой. Когда в первый раз он посмотрел в зеркало Желаний, оно показало ему всю его семью, которой он был лишён. В тот день в душе мальчика впервые поселились зёрна ярости и тьмы, что со временем дали свои всходы, едва не испортив полностью душу. И слишком поздно он понял, что сам, своими руками и действиями, отталкивал всех, лишая себя возможности стать счастливым. Найти семью.

В одном лишь был прав Дамблдор — Смерть, это не конец, а начало нового путешествия. Смерть позволила ему осознать все ошибки, дала ему шанс всё исправить, хотя где-то в глубине души и была мысль отомстить Реддлу за все его грехи. И он отомстит, но не лишится того, чего так долго желал, о чем мечтал все детство, лежа на старом грязном матрасе в чулане под лестницей.

— Гарри? — голос Дэвида, в котором сквозило беспокойство, слегка отрезвило парня.

□Гарри!!! □ — беспокойный голос Драко также раздался в голове рэйвенкловца. Малфой явно почувствовал раздрай в эмоциональном фоне друга.

— Я... в порядке, — ответил он всем, только сейчас поняв, что из глаз текут слёзы. — Просто... я всегда мечтал об этом. О том, что у меня будет семья. Можно сказать, что это была единственная мечта до Хогвартса, которая заставляла меня жить и двигаться дальше. Я... спасибо вам. За всё.

Дэвид, обнявшись с Гарри, легонько похлопал его по спине, успокаивая.

— Ты многое взвалил на свои плечи, Гарри. Но чтобы ни случилось, помни главное — ты всегда можешь положиться на нас с Эммой. А мы всегда поможем, по мере наших скромных сил.

Всё, на что хватило парня, это лишь на короткий кивок. Эмоции хлынули так, что даже Драко побоялся подключаться, чтобы его потом откачивать не пришлось. Вновь оказавшись один, Гарри стал приводить себя в порядок, надев заповедки. Через полтора часа будет самый важный день в его жизни.

* * *

Церковь, где будет проходить торжество, находилась недалеко от отеля, где все расположились, но мужская половина собравшихся отправилась в церковь гораздо раньше, чтобы снова все проверить, подготовить то, что осталось. Гарри уже был гораздо спокойнее, во всяком случае внешне, внутри у него всё также натягивался тугий узел. Правда, разрыв шаблона он всё-таки получил (да и не только он), когда начали прибывать гости. Их было немного, Гарри и Гермиона не хотели слишком пышного празднования, да и пригласить всех друзей и приятелей (а там чуть ли не половина Хогвартса будет) они не смогли бы. Но если Минерва МакГонагалл сильно не удивила, то вот Северус Снейп... в строгом костюме... с чистыми причёсанными волосами... идущий под руку с профессором Сименс!!! Драко, после

прихода крестного, несколько раз проверял — а не сбоят ли его Родовой Дар? Иначе почему от своих друзей ничего не ощущал? Ну, кроме глубокого ступора и офигевания. А, и радости от крестного, который явно наслаждался произведённым эффектом.

Невилл за последние пару дней успел вымотаться, хотя пара зелий бодрости ему всё же помогли. А вы чего хотели? Он всё-таки шафер, значит ему и пришлось отдуваться за всё, начиная от расчётов с церковью и заканчивая хранением колец, которые он каждые пять минут проверял. Один раз оставил их на столике, и пошел поесть, по привычке проверив кольца. Которых с собой не было. Забыл, что выложил. Так потом весь номер перерыл, чуть инфаркт не заработал, а они спокойно так, можно сказать сиротливо, лежали на столике. Так ещё надо было следить за Старыми Мародёрами, ну так, на всякий случай. Но нельзя было сказать, что ему это не нравилось. Просто для Невилла было это впервые, и он хотел, чтобы всё получилось хорошо, ведь это свадьба его первых и лучших друзей! Хорошо, что отец его успокаивал, рассказав, как Сириус на свадьбе Джеймса и Лили носился чуть ли не с высунутым языком, бегая от места к месту, и трижды терял кольца, в такие моменты забывая, что он вообще-то волшебник, и может призвать их к себе магией.

За двадцать минут до начала церемонии прибыли все остальные, после чего в ступор впал уже и Драко, всего лишь увидев Луну. Хотя и Невилл недалеко от него ушёл, остекленевшим взглядом рассматривая Сьюзен. Тонкс, которая также была подружкой невесты, тихонько хихикала над лицами парней, и прошла к Ремусу, чтобы поправить ему галстук, воротник, и полюбоваться ошарашенным взглядом мужчины.

Наконец, ровно в двенадцать, все заняли свои места, и заиграла живая музыка. Нервы Гарри были натянуты до самого предела, пока в зал, под руку со своим отцом, не вошла ОНА! Весь мир словно перестал существовать для Гарри, и хоть из-за фаты он не видел так хорошо лицо любимой, для него она была самой прекрасной девушкой на свете. Лёгкое платье голубого цвета, символизирующее чистоту, нежность и невинность невесты, словно переливалось на ней, ассоциируясь в сознании парня с чистым небом. Гарри никогда не был сильно верующим человеком, пусть ему в прошлом и пришлось жить в Аду, но сейчас, его любимая казалась ему ангелом во плоти, до которой просто дотронуться нельзя, ибо это грех.

Тычок в рёбра заставил Гарри вздрогнуть и резко задышать. Лёгкие буквально требовали воздуха.

— Гарри, я всё понимаю, но не забывай хотя бы дышать, — с ехидством в голосе прошептал Невилл. — Или я буду напоминать тебе об этом.

— Спасибо, братец, — также тихо ответил жених, быстро приведя себя в порядок как раз тогда, когда Дэвид довёл свою дочь до алтаря и передал её Гарри.

— Я доверяю тебе самое ценное, что у меня есть, — произнёс мужчина. — Береги её.

— Ценой своей жизни, — твёрдо ответил Гарри, получив в ответ благодарный кивок, и пара повернулась к священнику.

Возможно, для кого-то это странно, что волшебник и ведьма проводят свадьбу в обычной маггловской церкви, а не зарегистрировали брак в Министерстве. Но так захотела Лохматая Парочка. Они оба родились в обычном мире, оба жили в нём, и оба не покинут его. Тут есть люди, которые дороги им обоим.

Повернувшись друг к другу, парочка зачитала свои клятвы. Пока Гермiona говорила, в голове парня царили странные ощущения. Её слова что-то задевали в его сознании и душе, и те слова

клятвы, которые он писал и запоминал, просто вылетели из головы. Но зато пришли другие слова:

— В моей жизни было мало радости, — начал Гарри, держа в своих руках ладошки Гермионы.
— Вся моя жизнь... это была не жизнь, а просто существование, не наполненное ничем важным. До момента, пока я не встретил тебя. Девочку, что тащила на поезд огромный чемодан, и раздумывающую, как бы его туда затащить. Ты стала моим другом, а потом любимой. Сегодня, ты становишься моей женой. Для меня нет большего счастья чем то, что ты дала мне, обычному мальчишке, в котором не было ничего выдающегося. Ты наполнила мою жизнь смыслом, ты осветила мою душу светом, и подарила свою любовь. О чём я мог еще мечтать, когда каждую ночь ложился спать, в надежде, что следующий день будет лучше? Мы с тобой пережили столько всего, что сомневаться в твоих словах невозможно. Но помимо всего, ты дала мне ещё кое-что — цель. А когда у тебя есть цель, тебе становится всё по плечу. Я клянусь любить и оберегать тебя, Миа, я клянусь, что сделаю все, чтобы ты всегда была счастлива. И сегодня, перед лицом Господа, я клянусь, что даже Смерть не разлучит нас, и когда наше время в этом мире подойдёт к концу, я клянусь найти тебя в следующей жизни, лишь бы мы снова были вместе.

— Властью, данной мне Богом, я объявляю вас мужем и женой, — на лице священника была радостная улыбка, особенно после клятвы Гарри. — Можешь поцеловать свою супругу.

Откинув фату с лица девушки, Гарри увидел, что Гермиона плакала после его клятвы, но при этом счастливо улыбалась, заставляя сердце парня ускорить свой бег. В следующую секунду губы молодых супругов встретились, и гости радостно зааплодировали им. Но они практически не слышали это.

Для них сейчас существовали только они двое. Он и она. Души, что так долго были далеко друг от друга, смогли встретиться вновь, и буквально плавали в волне любви, что испытывали друг к другу.

Свадьба только начинается, как и их новая жизнь. И эту жизнь они построили сами, не позволив никому вмешиваться и манипулировать ими. И никогда не позволят.

<http://tl.rulate.ru/book/114882/4789052>